КОМПЛЕКСЫ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ РУССКАЯ КОШКА I (КАНЧАЛАНСКАЯ КУЛЬТУРА, ВОСТОЧНАЯ ЧУКОТКА)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа комплексов двенадцати жилищ древнего поселения Русская Кошка I, которое является опорным для характеристики канчаланской приморской культуры Восточной Чукотки.

Ключевые слова: Чукотка, канчаланская культура, стратиграфия, каменный и костяной инвентарь, отжимная и ударная ретушь, трасология, керамика, приморская эколого-экономическая система.

A.A. Orekhov

Magadan Regional Museum
nothernland@mail.ru

THE COMPLEXES OF THE ANCIENT SETTLEMENT RUSSKAYA KOSHKA I (KANCHALANSKAYA CULTURE, EASTERN CHUKOTKA)

The article deals with the results of analysis of the complexes of twelve dwellings of the ancient settlement Russkaya Koshka I, which is basis for characteristics of the Kanchalanskaya maritime culture of Eastern Chukotka.

Keywords: Eastern Chukotka, Kanchalanskaya archaeological culture, stratigraphy, stone and bone assemblage, pressure technique, use-wear analysis, ceramics, maritime ecological and economic system.

Проблемы генезиса, формирования, модернизации и трансформации приморских культур Северо-Востока Азии находятся в центре исследования отечественных и зарубежных археологов. Вместе с тем ряд проблем остаются дискуссионными: этногенеза автохтонов, генезиса приморских культур и этапов освоения морского побережья человеком, факторов их развития, преемственности и взаимовлияния. Далеки от решения проблемы динамики и характера функционирования поселений приморских культур. Поселения представлены преимущественно комплексами одного жилища, что не является достаточно представительным и не позволяет проследить их динамику. Многие памятники, в том числе опорные, все еще не имеют радиоуглеродных дат. Кроме того, радиоуглеродное датирование, позволяя хронологически соотносить комплексы и памятники, дает зачастую погрешность в 400–800 лет, что делает хронологию приморских культур весьма неточной и относительной [Gerlach, Maison, 1992; Dumond, Blend, 1995].

Культурная принадлежность комплексов и ареалы культур иногда определяются по наличию в комплексе отдельных, пусть даже и характерных предметов, без попыток установления и объяснения возможных причин их присутствия. К этим причинам можно отнести смешанные браки, территориальную экспансию, обмен [Gerlach, Maison, 1992].

Существующая хронология развития ряда культур недостаточна, а частично и неточна. В соответствии с эволюционными представлениями исследователи стремились выстроить в хронологической последовательности известные приморские культуры, своеобразие которых отражало не столько хронологическое различие этапов освоения морского побережья, сколько различие экологических условий и культурных традиций, а также влияние ряда факторов развития. Пока нет полного и глубокого понимания причин локальных различий даже генетически связанных приморских культур.

Значительные участки побережья Берингова и Охотского морей изучены недостаточно

Рис. 1. Карта расположения памятников канчаланской культуры

или вообще не исследованы. Неравномерность и мозаичность археологической изученности определяют гипотетичность и условность этнокультурных, социально-экономических и других реконструкций, а соответственно — сравнительного анализа и обобщений.

В археологическом наследии Северо-Востока Азии есть ряд памятников и культур, интерпретация которых базировалась скорее на интуиции из-за ограниченности материалов и слабой изученности. Это определяло задачи последующих исследований. Канчаланская культура, выделенная Н.Н. Диковым, в значительной степени принадлежит к таким культурам. К ней относили стоянки и мастерские на осиновских и красненских косах, стоянки Седьмой Причал и у мыса Низкого [Диков, 1977; 1979], Канчаланское поселение [Окладников, Нарышкин, 1955; Дикова, 1964], своеобразие комплекса жилища которого стало основанием определения отличия от древнеэскимосских культур и выбора названия для новой в то время культуры.

Н.Н. Диков считал, что генезис канчаланской культуры связан с выходом на побере-

жье представителей континентальной северочукотской культуры, известные памятники которой располагаются севернее р. Анадырь. Якутские археологи рассматривают северочукотскую культуру не как самостоятельную, а как ымыяхтахскую культуру, занявшую континентальные районы Восточной Чукотки в результате продвижения на восток [Мочанов, 1977; Федосеева, 1980]. Они подчеркивают важную роль ымыяхтахской культуры в формировании приморских культур Северо-Восточной Азии. Возможно, северочукотская культура представляет собой восточный вариант ымыяхтахской культуры или является результатом соединения ее традиций с традициями автохтонов данной территории, отсюда сходство и различия с якутскими комплексами. Поскольку континентальные районы Восточной Чукотки — как севернее р. Анадырь, так и южнее — изучены еще недостаточно, то лишь специальные исследования позволят прояснить эту проблему. Известные в настоящее время комплексы канчаланской культуры действительно имеют некоторые общие черты с комплексами северочукотской и ымыяхтах-

ской культур. Это касается каменного инвентаря: морфотипов скребков и скребел, листовидных наконечников стрел, ретушированных ножей. Однако костяной инвентарь и керамика канчаланской культуры резко отличаются как по морфологическим, так и по технико-технологическим признакам. По этим характеристикам данная культура принадлежит кругу северотихоокеанских культур.

Новые материалы являются продвижением в решении указанных проблем. В 1987–1988 гг. археологический отряд МГПИ (СВГУ) в рамках программы СВАКАЭ, продолжая изучение приморских культур, исследовал древнее поселение на прибойно-намывной песчано-галечной косе Русская Кошка («кошка» — старорусское «коса») в 80 км восточнее г. Анадырь (рис. 1). Полная характеристика комплексов этого поселения публикуется впервые.

Древнее поселение находится в центре косы, на террасе высотой 3–4 м. Остатки восьми полуземлянок расположены в один ряд вдоль края террасы, а четыре полуземлянки составляют второй ряд (рис. 2). Все жилища однокамерные, круглые в плане, диаметром 8–10 м. Вокруг жилищ находились остатки т.н. «мясных ям» диаметром 1,5–2 м. Однако исследование трех таких объектов (у жилищ 1, 9 и 12) диаметром 2 м показало, что они не являлись хранилищами продуктов, как, возможно, и другие. В центре каждого располагался очаг, а рядом обнаружены отщепы. Возможно, они использовались для хранения промысловых орудий, бытовых предметов, а также хозяйственных занятий (изготовление орудий) и, в отличие от «мясных ям», имели каркасную кровлю, покрытую шкурами (?).

Туннелевидный коридор-лаз жилищ ориентирован на юг или юго-запад, что, вероятно, объясняется господствующим направлением ветра в зимнее время — с севера или северо-запада. Рядом, юго-восточнее поселения, находится группа мелких озер, которые являлись источником пресной воды.

При раскопках под дерновым слоем (на кровле у дымового отверстия?) в центре в жилищах 1, 3, 9 и 12 выше остатков кровли были встречены одиночные черепа моржей, а иногда позвонки китов. Возможно, череп моржа был положен на кровлю или надет на шест. Этот ритуал отражает особое отношение к моржам, которые являлись основным объектом промысла и источником жизнеобеспечения, а также имели определенное сакральное, магическое значение (череп, как символ жи-

вотного, обеспечивал удачу в промысле). Это подтверждают и находки черепов и половых костей моржа ниже уровня пола в коридорах жилищ 3, 9 и 12.

В начальной стадии раскопок под дерном на глубине 0,25–0,35 м в большинстве жилищ обнаружены фрагменты керамики, скребки, обломки охотничьих ножей и ножей улу. По облику и технике изготовления они, безусловно, принадлежат комплексу жилищ. Эти находки, вероятно, связаны с хозяйственной деятельностью на кровле полуземлянок. Судя по составу орудий, такой хозяйственной деятельностью занимались и мужчины, и женщины. Возможно, возвышающаяся над поверхностью бара кровля служила убежищем от гнуса и позволяла наблюдать за всем происходящим на поселении и в море. Подобная традиция отмечается и в ряде приморских культур Аляски [Айгнер, 1986].

В полуземлянках 1, 3, 5, 9, 10, 12 культурный слой коричневой супеси толщиной 0,15–0,25 м с двумя углистыми прослойками был зафиксирован на глубине 0,7–1,1 м (рис. 3). Это свидетельствует либо о перерывах в функционировании жилищ, либо о традиции обновления (поджигания) пола чистым песком. Основная масса находок в жилищах обнаружена в нижней углистой прослойке.

В полуземлянках 4, 6–8, 11 культурный слой мощностью 0,08–0,15 м представлял собой коричневую супесь с одной углистой прослойкой. Он был зафиксирован в жилищах на глубине 0,5–0,8 м. Культурные слои данной группы жилищ значительно беднее по количеству находок, чем первой. Возможно, данные комплексы характеризуют финальную стадию функционирования поселения, их использовали непродолжительное время и покидали в спокойной обстановке, забирая все самое ценное.

Находки, обнаруженные по краю жилищ на 0,3–0,5 м выше уровня пола, связаны с земляным выступом (стенка которого укреплялась деревом), зафиксированным в большинстве жилищ и известным по данным археологии и этнографии [Dumond, 1987; Руденко, 1947].

В жилищах располагались 1–3 очага с кольцевой обкладкой камнями и мощным слоем углей. Скопления камней в жилищах, возможно, являлись запасами сырья для изготовления орудий; камни могли использоваться и для установки круглодонной посуды (рис. 3)

В комплексах жилищ представлены каменный инвентарь (647 экз.), костяной инвентарь (131 экз.), фрагменты керамики (1530 экз.) и

Рис. 3. План и профиль жилища 1 поселения Русская Кошка I. Условные обозначения:
 1 – скребок; 2 – нож; 3 – керамика; 4 – тесло; 5 – отщеп; 6 – угли; 7 – охра; 8 – дерево; 9 – позвонок кита; 10 – камень;
 11 – череп моржа; 12 – ямки от столбов; 13 – дерн; 14 – коричневая супесь с галькой; 15 – границы жилища

несколько деревянных изделий хозяйственного, охотничье-промыслового и бытового назначения, а также орудия домашнего производства. Значительную часть находок в жилищах составляют орудия домашних ремесел для обработки шкур, шитья одежды и спальных принадлежностей, для изготовления орудий из дерева, кости и камня.

Каменные орудия для обработки шкур преобладают и представлены скребками, скобелями, ложилами, ножами-скребками, шлифованными ножами улу (уляк), проколками. Скребки (212 экз.) и скребла (10 экз.) (34% от каменных орудий) представлены широко распространенными на Северо-Востоке Азии типами — овальной (рис. 4, 2, 3, 6, 7, 10, 12; рис. 5, 1, 3, 9, 15; рис. 6, 7, 10; рис. 7, 1, 3, 9, 21, 26; рис. 8, 6, 7, 12, 14, 49), усеченно-овальной (рис. 4, 9, 11; рис. 5, 5, 7, 8, 10, 23; рис. 6, 4, 8, 16, 18; рис. 7, 16, 17, 20, 32; рис. 8, 5, 8, 11, 21), подтреугольной (рис. 5, 2, 12; рис. 6, 12, 13, 14, 31; рис. 7, 6, 17; рис. 8, 9, 13, 14) и подпрямоугольной формы (рис. 4, 8; рис. 5, 6, 14; рис. 6, 18, 19; рис. 8, 15, 18). Многочисленны дисковидные скребки с круговым рабочим краем (рис. 4, 1; рис. 5, 4; рис. 6, 1–3; рис. 7, 7, 31; рис. 8, 1–4, 20).

Для ножей-скребков (51 экз.) характерны противоположащие овально-выпуклые рабочие края. Представлены также довольно многочисленные скребки-резцы (64 экз.), на которых резцовое острие образовано одним или двумя резцовыми снятиями (рис. 4, 13, 14, 17, 18; рис. 5, 16, 20, 22, 28; рис. 6, 11, 15, 17, 21, 33, 36; рис. 7, 2, 25). Немногочисленны скребла круглой (рис. 5, 13; рис. 6, 20) или овальной (рис. 6, 25; рис. 8, 16) формы. В комплексах присутствуют и полифункциональные орудия: скребок-скобель-резец (рис. 6, 26), скребок-пилка-резец (рис. 8, 48).

Основной заготовкой для изготовления скребков служили расщепленные вдоль гальки, и значительная часть скребков сохранила частично галечную корку. В изготовлении скребков и в обработке рабочего края наблюдается сочетание ударной и отжимной ретуши. Полностью обработаны дисковидные скребки. Для большей части скребков характерна краевая (85%) односторонняя (63%) отжимная ретушь в обработке рабочего края. В качестве ложили использовались плоские гальки без обработки (12 экз.).

Встречаются и комбинированные орудия или инструменты, связанные с переменной функцией: скребки-резцы (64 экз.) и ножи-резцы (21 экз.) с острием, полученным 1–3 резцо-

выми сколами, продольным или поперечным расщеплением (рис. 7, 14; рис. 8, 42, 44), ножи-скобели (рис. 6, 30); преобладают усеченно-овальной формы и из аморфных отщепов ножи-скребки (51 экз.).

Для разделки туш животных и раскроя шкур использовали ретушированные ножи на отщепах (рис. 4, 15, 16, 22; рис. 6, 31; рис. 7, 30, 33) или на пластинах глинистого сланца, двусторонне ретушированные по рабочему краю (32 экз.), преимущественно треугольной или усеченно-овальной формы (рис. 6, 22; рис. 7, 10, 13; рис. 8, 36, 37, 43). Преобладают сланцевые женские шлифованные ножи улу (уляк) (106 экз. и 67 обломков) (27%) овальной (рис. 5, 32; рис. 8, 25), усеченно-овальной (рис. 8, 19, 29, 31, 32, 35, 38), треугольной (рис. 7, 24) и трапецевидной (рис. 4, 21; рис. 7, 29; рис. 8, 23, 26–28, 30) форм.

Орудия для обработки дерева и кости представлены теслами-топорами, резцами, молотами. Тесла-топоры (21 экз.) — линзовидного сечения, трапецевидной (рис. 4, 20, 24, 25; рис. 5, 17–19; рис. 6, 23, 24; рис. 7, 5, 22, 23; рис. 8, 40, 47), овальной (рис. 8, 34) и с заостренным обушком форм, прямоугольной (рис. 5, 18; рис. 8, 41, 45) и треугольной с расширенным обушком форм (рис. 8, 39). Изготовлены они из галечных сколов и расщепленных галек, реже — из массивных пластин. Лезвия, а иногда и поверхность их пришлифованы, но встречаются также только оббитые и ретушированные (30%). Тесла-топоры вставлялись в костяную обойму (муфту) (15 экз.), которая крепилась к деревянной рукояти. Залощенность рабочего лезвия некоторых тесел-топоров и ножей является свидетельством того, что ими работали как скребками, что отражает смену функций.

Резцы (23 экз.) изготовлены из отщепов (рис. 5, 11, 21), сколов (рис. 6, 28, 34, 35; рис. 7, 11; рис. 8, 10) и обломков орудий с помощью одного-двух резцовых сколов или путем поперечного, продольного или диагонального расщепления (рис. 4, 19). Представлены и резцы на пластинах (рис. 4, 4, 19), что является отголоском старых традиций.

Молоты (5 экз.) изготовлены из яйцевидных галек с серединным желобком для крепления деревянной или костяной рукояти.

Для обработки камня служили отбойники, шлифовальные камни и ретушеры. В качестве отбойников-ретушеров чаще всего использовали удлинненно-овальные гальки (рис. 7, 15; рис. 8, 17, 22, 24) (25 экз.), а иногда круглые. Поверхность орудий и рабочее лезвие шли-

фовали овальными и прямоугольными шлифовальными камнями (рис. 4, 5; рис. 5, 29–31; рис. 6, 32). В комплексах есть несколько пластин неправильных очертаний (рис. 7, 12, 18) и призматический микронуклеус, что, возможно, отражает попытку «вспомнить» давно утраченные технологии. Это является косвенным свидетельством какой-то связи с северочукотской культурой.

Для рытья котлованов при строительстве жилищ и в тундровом собирательстве (выкапывали съедобные корни растений) использовались каменные мотыги, но чаще костяные. Каменные мотыги (12 экз.) изготовлены из расщепленных продольно продолговатых галек, часто с сохранением галечной корки (рис. 4, 26; рис. 5, 24, 25; рис. 6, 27, 29; рис. 8, 33). Эти орудия впервые выделены Н.А. Кононенко в комплексах Чукотки по специфическим следам работы.

Проколки с ретушированным острием изготовлены из отщепов (32 экз.). В качестве курантов (15 экз.) использовались плоские гальки (рис. 8, 46). Часто они имеют окрас от охры. Освещали жилища жирниками (5 экз.) из галек с углублением, выбитым техникой пикетажа (рис. 5, 26, 27). Преобладают же глиняные жирники овальной формы 15 (25)×11 (17) см, высотой 7–9 см (рис. 9, 19, 20). Некоторые из них имеют внутренний выступ для фитиля, столь характерный для древнеэскимосских культур (рис. 4, 33).

Устойчивая традиция изготовления орудий из односторонне выпуклых отщепов, расщепленных вдоль галек, сохранение галечной корки, преобладание односторонней краевой обработки рабочего края объединяет каменный инвентарь поселения Русская Кошка I с комплексами памятников Анадырского лимана (Канчалан, Седьмой Причал, Тонкий, Тихая), Анадырского залива (м. Низкий) и поселения Красно-2 в устье протоки оз. Красное (рис. 1).

Своеобразный шлифованный мужской охотничий нож с черешком для крепления в рукояти имеет аналоги в комплексах древнеэскимосских культур, так же, как и ножи улу [Руденко, 1947; Диков, 1977; 1979; Dumond, 1987]. Сланцевая шлифовальная индустрия традиционно считается культурозначимым признаком древнеэскимосских культур, под влиянием которых она распространяется у окружающих синхронных культур. Последний тезис вызывает сомнение, поскольку появление сланцевых шлифованных ножей в

древнеэскимосских культурах датируется I–V вв. н.э. [Диков, 1977; 1979], а в комплексах лахтинской культуры — IV в. до н.э. [Орехов, 1987]. Существует предположение о южном (Таиланд) происхождении сланцевой шлифованной индустрии [Ackerman, 1982]. Особо следует отметить факт локализации данной традиции в районах Крайнего Севера (древнеберингоморская и поздние древнеэскимосские, лахтинская, культура океанического залива, Нортон (Аляска) культура), культура древних китобоев [Диков, 1977, 1979; Орехов, 1987; Dumond, 1987].

Интересно сверло из отщепа со следами работы по керамике (для реставрации?), по трасологическому определению Н.А. Кононенко. Ранее подобные орудия не выделялись в комплексах Чукотки, но они известны в археологических культурах Аляски.

Сырье каменной индустрии представлено преимущественно в виде галечника (преобладает кремнистый сланец — 80%). Использовались также обсидиан с оз. Красного, черный яшмоид (желваки включений рыхлых известковых отложений), окремненный песчаник, гранит, андезитобазальт.

Для вторичной обработки характерно преобладание краевой ретуши рабочего края (80%), сочетание обивки, ударной и отжимной ретуши, а также шлифовки (тесел-топоров, ножей улу и охотничьих, концевых вставок-острий), техники пикетажа в изготовлении молотов и жирников.

Немногочисленность устойчивых, хорошо выработанных форм ретушированных орудий, вероятно, объясняется развитой костяной индустрией. Высока доля (80%) использования отщепов без обработки в качестве скребков (70%), ножей (20%) и резцов (10%). Они в большом количестве встречаются в заполнениях жилищ. Устойчив тип шлифованных тесел-топоров: трапециевидные, линзовидного сечения, аналогичные древнеэскимосским и лахтинским [Орехов, 1988а; 1988б; 1992].

Костяной инвентарь поселения Русская Кошка I имеет общие черты и различия с комплексами памятников Анадырского лимана и сопредельных археологических культур. Он представлен охотничье-промысловыми и хозяйственными орудиями, амулетом и моржовыми клыками со следами обработки. Охотничье-промысловый инвентарь представлен костяными наконечниками стрел, гарпуном, навершием древка гарпуна, рукоятями охот-

ничьих ножей. Наконечник гарпуна уникален своей системой крепления (рис. 10, 3) и свидетельствует о существовании морского промысла (преимущественно моржа, так как его кости преобладают в жилищах и большинство изделий изготовлены из клыков и костей моржа). Среди наконечников стрел (27 экз.) и дротиков (7 экз.) преобладают наконечники с пером треугольного сечения (рис. 10, 32, 33). Они имеют шиловидное (рис. 10, 27) (14 экз.) или клиновидное основание (рис. 10, 24) (7 экз.) и конусовидный черешок (13 экз.) (рис. 10, 23, 25). Последние чаще рассматриваются в качестве острия острога и связываются с рыболовством. Своеобразен наконечник стрелы для охоты на пушных зверей (рис. 10, 26). Навершие древка гарпуна типично для приморских культур (рис. 10, 4). Встречена защитная пластина запястья при стрельбе из лука (рис. 10, 5).

Орудия хозяйственной деятельности — это мотыги, обоймы тесел-топоров, подполозки нарт. Мотыги (45 экз. и 22 обломка), вероятно, использовались для рытья котлованов при строительстве жилищ, а также для выкапывания корней (тундровое собирательство). Они встречаются в каждом жилище. Длина мотыг, изготовленных в основном из моржовых клыков, различна — от 0,2 до 0,55 м. Большинство (42 экз.) имеет одинаковый способ крепления рукояти: у обушка два круговых желоба и прямая площадка (рис. 10, 15, 18). Своеобразна мотыга с заостренным обушком (рис. 10, 11). Некоторые мотыги имеют только прямую площадку у обушка (рис. 10, 12, 13). Землю и снег при рытье котлована жилища отбрасывали лопатами из моржовых (5 экз.) и китовых (3 экз.) лопаток, дисков китового позвонка (2 экз.) (рис. 10, 20) с отверстиями для крепления к деревянной рукояти. Оригинальна костяная обойма составной рукояти для тесел-топоров (1 экз.) (рис. 10, 1). Она отлична от обоек, характерных для древнеэскимосских культур, и изготовлена из рога оленя.

Ближайшие аналоги костяным скребкам-лощилам Русской Кошки I (рис. 10, 21) встречаются в комплексах древнеэскимосских культур, а также в комплексе культового жилища поселения Гека-1, самого северного поселения лахтинской культуры. Поскольку в комплексах других памятников данной культуры их нет, то их присутствие является результатом влияния или обмена.

Свидетельством существования транспортных средств служат находки деталей нарт. Подполозки нарт (8 экз.) сделаны из китовых ре-

бер (рис. 10, 14). Они в целом характерны для приморских культур Берингоморья. Об особом отношении к медведю, отражающем систему представлений и определенные ритуалы, свидетельствуют клык бурого медведя — амулет с отверстием для подвешивания — и фигурка белого медведя из рога оленя (рис. 10, 31). Костяные клинья использовали для расщепления бревен.

Присутствие в комплексах костяных наконечников стрел с шиловидным основанием и наконечников острога с конусовидным черешком, мотыг и кирок из моржовых клыков с характерным способом крепления рукояти объясняется, скорее всего, влиянием культуры пунук, а в более ранних комплексах — древнеберингоморской культуры.

В каждом жилище обнаружены фрагменты керамики. Особенно много их в жилищах 1, 9, 10, 12. Минимальное количество сосудов в жилищах — 4–5, а максимальное — 10–14. Все сосуды лепные, изготовленные из хорошо промешанной глины с добавлением мелкого (преобладают) или крупного песка, а в пяти случаях с добавлением шерсти оленя. Последняя технология подготовки глины сближает ее с якутской керамикой [Федосеева, 1980].

Встречаются круглодонные больших размеров — 32×26 см — сосуды с налепными наружными ушками (пунукского типа) [Руденко, 1947; Дикова, 1964], два сосуда с зональным, бордюрным у венчика орнаментом из оттисков прямоугольнозубчатого штампа, шнуровая керамика (5 экз.) (рис. 4, 27, 29, 31). Основная часть сосудов не орнаментирована. Преобладает керамика с уплощенным дном (38 экз.) усеченно-конической формы. Этот достаточно редкий тип керамики для приморских культур Берингоморья может рассматриваться как характерный для канчаланской культуры. Архаичен способ формовки данных сосудов, практически не отмеченный в других культурах, за исключением Якутии (выбиванием) [Алексеев, 1996], выдавливанием.

Также культурозначимым типом являются сосуды с округлым туловом и уплощенным дном (редкий морфотип). Уникален сосуд грушевидной формы (рис. 9, 23). Их формовка осуществлялась, вероятно, на основе (шаблоне). Встречаются плоские блюда для приема пищи (10 экз.) (рис. 4, 32; рис. 9, 16, 24), небольшие сосуды (5 экз.) и жирники (6), в том числе с внутренней перегородкой (3 экз.) (рис. 4, 33).

Наиболее близкие аналоги керамика поселения Русская Кошка I находит в комплексах поселения Канчалан, что является, вероятно, свидетельством генетического родства. Своеобразен сосуд с выемкой у венчика, не имеющий близких археологических аналогий (рис. 4, 28). Подобный сосуд у чукчей В.Г. Богораз интерпретировал как подставку для жирника [1991]. Два фрагмента двух разных сосудов с бордюрным орнаментом в виде отпечатка прямоугольно зубчатого гребенчатого штампа зафиксированы в жилище 10 (рис. 9, 1, 2; рис. 4, 27). Фрагменты трех сосудов с наружными наlepными ушками обнаружены в жилище 12 (рис. 9, 18, 21, 22). Это позволяет говорить о том, что данные сосуды нехарактерны для культурной традиции поселения и, вероятно, являются привнесенным элементом. Вместе с тем один такой сосуд известен и на поселении Канчалан [Дикова, 1964]. Представлена и шнуровая керамика. Один сосуд украшен шнуровым накатом (рис. 9, 3) (рис. 4, 29), а три — шнуровым штампом (рис. 9, 5, 7, 9). Они представлены в жилищах 9, 10 и 12.

Венчики сосудов с округлым туловом имеют внутренний наклон. Среди них встречаются округлые (рис. 9, 10, 14, 17), но большая часть венчиков прямые, с оттянутым внутренним краем (рис. 9, 4, 11, 12, 13, 15, 23). Впервые встречается шнуровой орнамент на плоском блюде (рис. 9, 16). Это — особенность комплексов, так же, как и венчики, украшенные шнуровым накатом (рис. 9, 3, 7).

Обнаружены также сосуды из бересты (1 экз.) и китового уса (2 экз.) цилиндрической формы диаметром 20 и 25 см и высотой около 39 см, с деревянным дном и крышкой. Сосуды из китового уса характерны для древнеэскимосских культур [Руденко, 1947; Dumond, 1987], и их присутствие, возможно, результат влияния культуры пунук, смешанных браков или обмена.

Встречены и изделия из дерева: подставка для жирника, рукоять скребка для работы двумя руками и массивный ковш. Эти изделия характерны для культур Берингоморья.

Сравнительный анализ комплексов поселений Русская Кошка I и комплексов древних поселений Анадырского лимана на прибойно-намывной песчано-галечной косе Гека (Гека-1-2, лахтинская культура), у мыса Низкий, у Седьмого Причала, у мыса Тонкий и в бухте Тихой, а также в устье р. Канчалан позволяет выявить общие закономерности приморской адаптации и особенности, опре-

деляемые культурными традициями, культурными контактами и влияниями. Анализ комплексов свидетельствует об отсутствии специализации между хозяйствами домашних общин и имущественного неравенства. Общие черты комплексов обусловлены общностью (культурной, генетической?) и одинаковой эколого-экономической системой, а также влиянием определенных культур.

Объединяющими культурозначимыми для канчаланской культуры признаками являются традиции изготовления каменных орудий на односторонне выпуклых заготовках, расщепленных вдоль гальках, отщепах и сколах, изготовление резцов на обломках орудий путем поперечного, диагонального и продольного расщепления, полифункциональность, смена функций орудий. Соотношение одно- и двусторонне обработанных орудий составляет примерно 70% и 30%.

Многочисленные сланцевые шлифованные ножи улу (уляк), треугольные и с прямоугольным черешком вставки-острия, а также охотничьи ножи с черешком находят аналогии в культуре пунук.

Костяные рукояти ножей находят аналогии в древнекоряжской [Васильевский, 1971], лахтинской [Орехов, 1987] и северо-чукотской [Диков, 1977, 1979] культурах. Костяные наконечники с клиновидным основанием представлены достаточно широко, но считаются традиционными для древнекоряжской культуры. Керамика с гребенчатым штампом находит аналогии (является результатом влияния?) в комплексах бассейна р. Анадырь (вакаревская культура) [Диков, 1977, 1979], в комплексах лахтинской культуры [Орехов, 1987] и в неолите Якутии (ымыяхтахская культура) [Федосеева, 1980]. Указанные аналогии позволяют говорить о широких и активных культурных связях поселений побережья Анадырского лимана, находящихся в зоне контакта различных культур.

Наиболее представительное поселение Русская Кошка I (комплексы 12-ти жилищ) в настоящее время является опорным памятником канчаланской культуры. Вместе с тем подобное различие комплексов жилищ одного поселения по количеству материалов показывает, что характеристика поселения по материалам только одного или двух жилищ может быть весьма неточной.

Единичность гарпунов отражает, возможно, невысокую степень специализации морского промысла, преобладание охоты

на ластоногих на лежищах (метод отгона). В большинстве жилищ поселения Русская Кошка I присутствуют позвонки кита, а также фрагменты ребер кита и межпозвоночные диски. Судя по размерам, это кости серого кита. Однако они не могут служить бесспорным свидетельством существования китовой охоты, поскольку известен пока лишь один крупный поворотный наконечник гарпуна, который можно было использовать в этой охоте. Возможно, использовали только выброшенных на берег животных.

На поселении был обнаружен череп косатки, видимо, принесенный с берега моря в ритуальных целях, а в 1 км южнее поселения найдена часть нижней челюсти гренландского кита. Кости сильно патинизированы, но относятся к более позднему периоду, и вряд ли их можно связывать с поселением.

Второе по значимости место в экономике поселения Русская Кошка I занимала охота на наземных животных, преимущественно дикого оленя, а также на песцов, лисиц, волков, снежного барана, бурого медведя. Орудия охоты представлены наконечниками стрел и дротиков. В комплексах присутствуют также кости собак, что свидетельствует о развитии собаководства, о возможном использовании собак в нартовой упряжке в качестве транспортного средства, в рационе питания, — может быть, в период голодовок.

Важную роль, вероятно, такую же, как сухопутная охота, имело рыболовство. В заполнениях жилищ костей рыб немного, но вряд ли это можно рассматривать в качестве доказательства малой значимости рыболовства. Кости рыб сохраняются плохо, а кроме этого, в зимнее время могли использовать замороженную впрок рыбу (вяленую, наподобие юколы) без костей. В период активного рыболовства, судя по этнографическим данным [Богораз, 1991], население приморских поселков разделялось на небольшие группы (чаще родственников) и уходило к устью рек и нерестовым озерам. Представлены кости преимущественно лососевых. Ловить лососевых могли с конца июня до октября в период нерестового хода. Ловили сетями, от которых в комплексах жилищ сохранились грузила простейшего типа из галек с двумя выбитыми выемками для крепления. В рыболовстве активно использовали и острия составных острог из моржового клыка, режущего рога оленя, с одной бородачкой и конусовидным черешком (13 экз.) или шиловидным

основанием (8 экз.). К орудиям, связанным с рыболовством, относятся костяные ножи с черешком для крепления в рукояти (рис. 9, б), которые использовались для разделки рыбы, а также иглы для нанизывания рыбы при транспортировке или вялении (рис. 9, 28).

Наличие в фаунистических остатках костей птиц (уток, гусей, кайр) и изделий из них (проколки) (рис. 9, 29) свидетельствует о том, что охотились на птиц. Возможно, свидетельством использования специализированных орудий в охоте на птиц являются сферической формы небольшие камни 3–5 см в диаметре, которые могли служить в качестве снарядов пращи. В комплексе жилищ они встречаются в большом количестве (10–30 экз.). При охоте на птиц могли пользоваться луком и стрелами.

Общие черты комплексов поселений Русская Кошка I, Канчалан, Седьмой Причал, Краснено-2, Низкий, Тонкий, Тихая обусловлены общностью (культурной и генетической?), а также сильным влиянием культуры пунук [Руденко, 1947; Диков, 1977, 1979; Dumond, 1987].

По видовому составу фауны и инвентарю канчаланской культуры выделяются три варианта комплексов канчаланской культуры.

Первый — с преобладанием (до 80 %) костей морских животных, преимущественно ластоногих, и инвентаря, связанного с эксплуатацией и использованием морских биоресурсов.

Второй вариант содержит примерно равное соотношение костей морских животных (тюленей) и оленей (найжены кости и других наземных животных), а также массовый охотничий (прежде всего, наконечники стрел) инвентарь.

Третий показывает абсолютное преобладание костей оленя и охотничьего инвентаря.

Подобная вариативность в рамках одной культуры довольно своеобразна и объясняется различием экологических условий и, соответственно, систем жизнеобеспечения. Первый вариант характерен для открытого морского побережья и северо-восточной части Анадырского лимана, где располагались лежища моржей и тюленей (поселение Русская Кошка I и у мыса Низкого). Второй — для северо-западного побережья Анадырского лимана, где, вероятно, не было лежищ моржей (поселение Канчалан, у мыса Тонкого и в бухте Тихой). Третий — для нижнего

течения р. Анадырь (85 км от устья), куда поднимались, как и в настоящее время, нерпы, но в небольшом количестве, и где находились традиционные переправы диких оленей через реку в период сезонных миграций (Краснено-2).

Соответственно, в системе жизнеобеспечения первой группы основное значение имела охота на ластоногих, второй группы — в равной степени морская охота и охота на оленей, а третья группа — результат охотничьих экспедиций приморских жителей, и в этот период они, конечно, использовали в основном продукты охоты на оленей.

Имеющиеся ^{14}C даты (AMS Standard) жилищ поселения Русская Кошка I в определенной мере свидетельствуют о длительном существовании поселения, что является показателем стабильности эколого-экономической системы. Жилище 3 имеет дату 340 ± 35 л.н. (cal AD 1470–1640) (AA-79020), жилище 8 — 385 ± 41 л.н. (cal AD 1435–1605) (UGAMS-01609), жилище 10 — 710 ± 40 (cal AD 1260–1310) (Beta-222605) и 930 ± 35 (cal AD 1020–1180) (AA-79021), жилище 11 — 835 ± 41 л.н. (cal AD 1380–1410) (UGAMS-01610). Исходя из дат, можно предположить, что поселение Русская Кошка I характеризует финальную стадию существования канчаланской культуры, хотя комплексы жилищ 9 и 12, вероятно, более раннего возраста.

В настоящее время невозможно определить, является ли поселение Русская Кошка I самым северным на открытом морском побережье в границах распространения канчаланской культуры, поскольку севернее до залива Креста территория не исследована.

Неразвитость гарпунного промысла ластоногих сближает канчаланскую культуру с лахтинской, где также преобладал метод отгона. Наконечник гарпуна с поселения Русская Кошка I имеет прорезь для железной вставки-острия, как и пунукские наконечники, хотя и необычно глубокую, но способ крепления линия уникален.

Канчаланская культура характеризует особый тип приморской адаптации: при доминировании эксплуатации морских биоресурсов (прежде всего охота на ластоногих) особое значение имела сезонная охота на оленя на переправах через реки. Различие экологической обстановки определило три варианта комплексов и, соответственно, различие систем жизнеобеспечения. На открытом морском побережье доминировала охота на

моржей, а на лиманном — на тюленей. Прослеживается миграция населения (поселение у мыса Тонкий и в бухте Тихая) из глубины лиманов, где раньше образуется лед, к открытому берегу. Это происходило, вероятно, поздней осенью, что подтверждает отсутствие источников питьевой воды на данных поселениях. Возможно, в этих целях использовался снег. Подобные миграции продлевали время активной охоты на мелких ластоногих, которые не покидали привычных мест обитания. Комплексы жилищ бедны и не содержат керамики.

Традиция сезонных миграций канчаланской культуры морское побережье — континентальная часть, определяемая стратегией двойного природопользования, очень близка системе жизнеобеспечения культуры ипиутак (Аляска) (Larsen, Rainy, 1948; Айгнер, 1986; Dumond, 1987), особенно на позднем этапе. Время существования двух культур совпадает. В сходных природно-климатических условиях поиск оптимальных решений приводит к одинаковым моделям адаптации.

Ареал канчаланской культуры определяется от мыса Низкого (Анадырский залив) по северному побережью Анадырского лимана и нижнему течению р. Анадырь до оз. Красного. Хронологические рамки развития культуры от 2000 до 500 л.н. Генезис культуры происходит в период потепления. Вероятно, Н.Н. Диков прав, и канчаланская культура представляет собой результат приморской адаптации представителей северочукотской культуры, вышедших на побережье.

Этническая интерпретация канчаланской культуры сложна. Н.Н. Диков допускал, что это могли быть предки приморских чукчей, которые проживали здесь в XVIII в. Однако это противоречит антропологической характеристике канчаланцев. И.С. Вдовин упоминал предков юкагиров и, в частности, загадочных анаулов. Вместе с тем это мог быть и исчезнувший этнос, антропологически близкий древним керекам и ительменам.

Исследования позволили определить критерии выделения и культурнозначимые признаки канчаланской культуры. Однако изучение проблемы еще далеко от завершения. Неясной остается северная граница культуры, поскольку западная часть Анадырского залива не исследована, хотя известны древние поселения у пос. Уэлькаль и Эгвекино. Не определен тип погребения.

Рис. 4. Каменный инвентарь жилища 1 и морфотипы керамики поселения Русская Кошка I:

1-3, 6-12 – скребки; 4 – скребло; 5 – точильный камень; 13, 14, 17, 18 – скребки-резцы; 15, 16, 22 – ретушированные ножи; 19 – резец; 20, 24, 25 – тесла-топоры; 21 – шлифованный нож; 23 – резец на пластине; 26 – обломок каменной мотыги; 27-33 – морфотипы керамики.
1 – обсидиан; 7, 15, 24 – окремненный песчаник; 12, 17 – яшмоид; остальные – кремнистый сланец; 10 – имеет окрас от охры

Рис. 5. Каменный инвентарь жилища 3 поселения Русская Кошка I:

1-10, 12, 14, 15, 23 - скребки; 11, 21 - резцы на отщепах; 13 - скребло; 16, 20, 22, 28 - скребки-резцы; 17-19 - тесла; 24, 25 - мотыги; 26, 27 - обломки жирников; 29-31 - точильные камни; 32 - шлифованный нож.
 5 - андезито-базальт; 11 - кварц; 32 - кремневый глинистый сланец; остальные - темно-серый кремневый сланец

Рис. 6. Каменный инвентарь жилища 4 поселения Русская Кошка I:

1–10, 12, 13, 14, 16, 18, 19 – скребки; 11, 15, 17, 21, 33, 36 – резцы-скребки; 20, 25 – скребла; 22, 31 – ножи, 22 – использовался как абразив; 23, 24 – тесла; 26 – скребок-скобель-резец; 27, 29 – мотыги; 28, 34, 35 – резцы; 30 – нож-скобель; 32 – точильный камень.

4 – черный яшмоид; 5 – кремневый песчаник; 12, 15 – обсидиан; остальные – серый кремневый сланец

Рис. 7. Каменный инвентарь поселения Русская Кошка 16:

- 1, 3, 6, 7, 9, 16, 17, 20, 21, 26, 31, 32 – скребки; 2, 25 – скребок-резец; 4 – резец на пластине; 5, 22, 23, 27 – тесла;
 8, 24, 29 – шлифованные ножи; 10, 13, 30, 33 – ретушированные ножи; 10, 13 – ножи на сланцевой пластине;
 11, 19 – резцы; 12, 18 – пластины; 14 – нож-резец; 15 – отбойник; 28 – мотыга.
 1, 2 – жилище 5; 3, 5, 6, 9, 11, 14, 15 – жилище 6; 7, 10 – жилище 7; 8, 13 – жилище 8; 16, 25 – жилище 9;
 12, 17–24, 26–33 – жилище 10.

Рис. 8. Каменный инвентарь жилища 12 поселения Русская Кошка I:

1–9, 11–15, 18, 20, 21, 49 – скребки; 10, 42, 44 – резцы; 16 – скребло; 17, 22, 24 – отбойники;
 19, 23, 25–32, 35, 38 – шлифованные ножи из сланцевых пластин; 33 – мотыга; 34, 39–41, 45, 47 – тесла;
 36, 37, 43 – ретушированные ножи из сланцевых пластин; 46 – курант; 48 – скребок-пилка-резец.
 15, 20 – обсидиан; остальные – серый кремнистый сланец

Рис. 9. Керамика поселения Русская Кошка I:

1, 2 – с гребенчатым штампом; 3, 5, 7, 9, 16 – шнуровая керамика. 4, 6, 8, 10, 11–15, 17, 23 – венчики сосудов без орнамента; 16, 24 – фрагменты плоских блюдец; 18, 21, 22 – фрагмент керамики с налепными ушками;

19, 20 – фрагменты жирников.

1–4, 6, 8, 13 – жилище 10; 5, 10–12, 23 – жилище 9; 7, 9, 14, 16–22, 24 – жилище 12

Рис. 10. Костяной инвентарь поселения Русская Кошка I:

- 1 – обойма тесла; 2 – рукоять ножа; 3 – наконечник гарпуна; 4 – навершие древка гарпуна;
 5 – защитная пластина запястья; 6, 7 – ножи; 8 – отжимник; 9 – концевая накладка лука; 10 – наконечник копья;
 11–13, 15–18, 22 – мотыги; 14 – подполозок нарты; 20 – лопата из диска китового позвонка; 21 – скребок;
 23–27 – наконечники стрел; 28, 30 – иглы; 29 – проколка; 31 – фигурка белого медведя; 32, 33 – наконечники дротиков.
 1, 3, 8, 12, 24, 25 – жилище 9; 2, 15, 28, 30, 33 – жилище 12; 4, 6, 7, 20, 29 – жилище 10; 5, 8 – жилище 11;
 9, 11, 13, 14, 31 – жилище 3; 10, 22 – жилище 8; 16, 26, 27 – жилище 6; 17, 19, 21–23 – жилище 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 144 с.
- Айгнер Д.С.** Первые арктические поселения в Северной Америке // В мире науки. – 1986. – № 1. – С. 84–94.
- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 222 с.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 251 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 279 с.
- Дикова Т.М.** Новые данные к характеристике Канчаланской стоянки // История и культура народов Северо-Востока СССР. – Магадан: СВКНИИ, 1964. – Вып. 8. – С. 41–53.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
- Окладников А.П., Нарышкин В.В.** Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове (древнее поселение на р. Канчалан) // СЭ. – 1955. – № 1. – С. 151–158.
- Орехов А.А.** Древняя приморская культура Северо-Западного Берингоморья. – М.: Наука, 1987. – 173 с.
- Орехов А.А.** Проблема этнокультурной принадлежности комплексов поселения Русская Кошка (Анадырский район) // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита: Читинская областная типография, 1988а. – С. 144–146.
- Орехов А.А.** Древнее поселение Русская кошка I на побережье Анадырского лимана // Древние культуры Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1988б. – С. 25–30.
- Орехов А.А.** Сезонное поселение на мысе Тонком – новый археологический памятник побережья Анадырского лимана // VI Арсеньевские чтения. – Уссурийск, 1992. С. 195–196.
- Руденко С.И.** Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. – 135 с.
- Федосеева С.А.** Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
- Ackerman, Robert E.** The neolithic-bronze age cultures of Asia and the Norton phase of Alaskan prehistory // Arctic Anthropology. – 1982. – Vol. 19 (2). – Pp. 11–38.
- Gerlach C., Maison O.K.** Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic // Arctic Anthropology. – 1992. – Vol. 29 (1). – Pp. 54–81.
- Dumond D. Eskimos and Aleuts.** – London: Thames and Hudson, 1987. – 364 p.
- Dumond D., Blend R.** Holocene Prehistory of the Northernmost North Pacific // Journal of World Prehistory. – 1995. – Vol. 9. – No. 4. – Pp. 401–451.
- Larsen H., Froelich G. Rainy.** Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture // AMNH-AP. New York: Published by order of the Trustees of the American Museum of Natural History, 1948. – Vol. 42. – Pp. 260–266.